

ровки, устраняет ошибки в классификации переплетов по способу расположения тисненых украшений. Проясняются вопросы, казавшиеся до сих пор неразрешимыми, например происхождение желобков на торцах переплетных досок.³⁰ Они перешли на византийский переплет из коптского, доски которого состояли из двух склеенных дощечек, между которыми на торцах оставался небольшой зазор.³¹

Работа по сплошной проверке всех древнерусских рукописей для определения подлинности их переплетов еще только предстоит. Ей должна сопутствовать подготовка достаточно полного каталога басм. Обобщению полученных сведений несомненно будет способствовать представление о том, что древнерусская книгописная традиция была равноправной среди византийской и европейской традиций.

Я. С. ЛУРЬЕ

КАК УСТАНОВИЛАСЬ АВТОКЕФАЛИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В XV в.?

История назначения русскими епископами без благословения константинопольского патриарха митрополита Ионы и последовавшего после этого (вплоть до конца XVI в.) фактического разрыва русской церкви с патриархией во многом еще остается неясной и спорной.

Обычно в историографии ход этих событий изображался следующим образом. В 1430 г. умер митрополит Фотий, признававшийся как в Северо-Восточной (Московско-Владимирской и Новгородской), так и в Западной (Литовской) Руси. Своим преемником Фотий еще при жизни «нарек» на митрополию рязанского епископа Иону. Иона ездил в Константинополь, однако там патриарх назначил уже другого митрополита — грека Исидора, обещав сделать Иону митрополитом после Исидора. Но когда Исидор в 1437—1439 гг. поехал на Флорентийский собор и там признал унию с католической церковью и верховенство римского папы, он был в Москве низложен и заточен по повелению великого князя Василия II, затем бежал в Тверь, но и там был подвергнут заточению и вынужден был поэтому покинуть Русь. Василий писал византийскому императору и патриарху, объявляя о непризнании унии и прося назначить митрополита Иону, но неизвестно, успел ли отправить свои послания. В 1448 г. великий князь вынужден был решиться на поставление Ионы без санкции греческой церкви.

Так излагается история избрания Ионы почти во всей научной литературе, в частности в классических трудах по истории церкви митрополита Макария (М. П. Булгакова) и Е. Е. Голубинского.

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ *Regemorter B. van. La reliure byzantine. P. 103—104.*

Макарий и Голубинский упоминали, правда, что до Исидора у Ионы был еще один предшественник, поставленный в Константинополе в 1433—1434 гг. на митрополюю смоленский епископ Герасим, занимавший этот престол всего один год. Голубинский, впрочем, утверждал, что «должно быть принимаемо за гораздо и самым решительным образом более вероятное, что Герасим был поставлен в митрополиты только литовские, а не всея России».¹

Сношения Ионы с Константинополем не вызывали сомнений и у других авторов, писавших об истории установления автокефалии в России после Макария и Голубинского. Единственным известным нам автором, поставившим под сомнение основные памятники, в которых упоминается поездка Ионы в Константинополь, был А. Циглер,² к чьим наблюдениям мы обратимся в дальнейшем изложении. Остальные авторы считали несомненным, что Иона, претендовавший после смерти Фотия на митрополичий престол, вел по этому поводу переговоры с Константинополем еще до 1448 г. Споры вызывали лишь некоторые вопросы — роль Герасима в 1434—1435 гг. и положение русской церкви после поставления Ионы в 1448 г.: отношение русской митрополии со стороны греческой церкви, поставленной после падения Константинополя в 1453 г. двумя патриархами — униатом, пребывавшим в Италии, и противником унии, оставшимся в турецком Стамбуле.³

А между тем, обратившись к русскому летописанию XV в., отражающему весь период с 1430 по 1447 г., мы не находим там известий о каких-либо попытках московских князей и церкви добиться в эти годы согласия Константинополя на поставление Ионы. Что же рассказывают о церковных делах 1430—1448 гг. летописи XV в.? В наиболее древней из московских летописей того времени, Софийской I младшей редакции, мы обнаруживаем, что, как это ни странно, о судьбах митрополии между 1430 и 1448 гг. в ней не сообщается ничего: нет не только известий о претензиях Ионы на митрополичий престол до 1448 г., но и каких-либо известий о Герасиме, Исидоре и унии. Правда, Софийская I летопись младшей редакции дошла до нас даже в наиболее раннем из ее списков, Бальзеровском, в далеко не полном и едва ли первоначальном виде. После окончания текста, общего со старшей редакцией, следуют пустые года — 6927 (1419)—6929 (1421) — и далее 6930 (1422), 6931 (1423), 6933 (1425),

¹ Макарий. История русской церкви. СПб., 1866—1879. Т. IV, кн. I. С. 104—106; т. V, кн. II. С. 366; т. VI, кн. I. С. 8—22; т. IX. С. 37—39; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 414—494.

² Ziegler A. Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche. Würzburg, 1939.

³ Павлов А. С. Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права // Православное обозрение. 1879. Декабрь. С. 759—765; Denisoff E. Aux origines de l'église russe autocéphale // Revue des études slaves. Paris, 1947. Т. XXIII, f. 1—4. P. 71—73; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 1. С. 348—358, 360—363; Alef G. Muscovy and the Council of Florence // Slavic Review. 1961. Oct. Vol. XX. № 3. P. 390—401; Белякова Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 152—159.

6934 (1426), 6935 (1427), 6939 (1431), 6941 (1433), 6942 (1434), 6945 (1437), 6947 (1439), 6949 (1441), 6953 (1445), 6954 (1446), 6955 (1447), 6956 (1448), 6957 (1449), 6958 (1450), 6959 (1451), 6960 (1452), 6961 (1453), 6962 (1454), 6963 (1455), 6964 (1456), 6968 (1460), 6969 (1461), 6970 (1462), и вслед за ними идет внелетописный текст («Словеса избранна. . .» о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.).⁴ Очевидно, этому дефектному тексту предшествовал некий иной, более ранний, но до какого года он был доведен, мы не знаем.

Однако в дошедшем до нас тексте сохранились известия за 1434, 1437, 1439, 1441, 1445, 1446, 1447, 1448 гг., сохранились и достаточно важные сообщения о борьбе за московский престол (борьба Василия II с его дядей Юрием Дмитриевичем и двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем Шемякой). Среди этих известий оказалось и одно известие об Ионе, но отнюдь не как о претенденте на митрополичий престол. Повествуя о том, как в 6954 (1446) г. Дмитрий Шемяка «поимал» Василия II и ослепил его, летописец сообщает, что, не успев захватить детей Василия, Ивана и Юрия, бежавших в Муром, «князь великий Дмитрий Юрьевич посла по них в Муром владыку Рязанского Иону, он же взя их на свою душу, и князь великий Дмитрий Юрьевич посади их с отцем вместе». Как видим, Иона выступает здесь не как «нареченный на митрополию», а как «владыка Рязанский», берущий «на свою душу» весьма важное и далеко не безобидное поручение «великого князя Дмитрия Юрьевича». Ранее происхождение этого рассказа, как и всего текста Софийской I до 1447—1448 гг., подтверждается и тем, что Шемяка именуется «великим князем» в приведенном тексте и еще в двух местах; с титулом великого князя упоминался и его отец Юрий под 6942 (1434) г., когда он занимал московский престол, и вместе с тем под теми же годами великим князем назван их соперник Василий Васильевич.⁵ Можно думать, что текст Софийской I в этой части совсем не соответствовал официальной великокняжеской идеологии последующих лет — именно поэтому, очевидно, известия о судьбе митрополии в 1430—1447 гг. в дошедшем до нас тексте Софийской I младшей редакции не отразились. Лишь под 6957 (1449) г. Софийская I кратко сообщала о том, что «князь великий Василей Васильевич постави себе митрополита на Москве Иону владыку Рязаньского, собрав владыкы».⁶

Еще более любопытную картину дают летописи немосковские — новгородские (времени независимости) и псковские. Ни в тех, ни в других Иона вообще не упоминается ни как иерарх (до 1448 г.), ни как митрополит. Новгородская I летопись младшего извода (напомним, что старший извод доходил только до XIV в.) не могла сообщить о постановлении Ионы в митрополиты в 1448 г., ибо текст ее доходит лишь до 6954 (1446) г., но о деятельности его как епископа и тем более о поездках в Константинополь, если бы они происходили,

⁴ Архив ЛОИИ СССР, кол. 11, № 23, л. 299 об.—303 об.; ср.: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 254—274. — Текст Бальзеровского списка здесь издан параллельно с более поздней Софийской I летописью по списку Царского.

⁵ ПСРЛ. Т. 5. С. 268—269: ср. с. 266.

⁶ Там же. С. 269.

ей, естественно, следовало бы упомянуть. Все три псковские летописи переходят достаточно далеко за пределы 1448 г., и их умолчание о поездках в Царьград и об избрании Ионы в 1448 г. не могло быть следствием неосведомленности. Такое умолчание представляется тем более демонстративным, что о преемниках Ионы — митрополитах Феодосии и Филиппе — Новгородская IV и псковские летописи упоминали. Упоминали они и о митрополитах, занимавших святительский престол между смертью Фотия и 1448 г.: под 6941 (1433)—6943 (1435) гг. о Герасиме, под 6945 (1437)—6950 (1442) гг. об Исидоре. Отметим, что именно Новгородская I летопись младшего извода была первым летописным памятником, сообщившим под 6949 (1441)—6950 (1442) гг. о неприятии Флорентийской унии и изгнании Исидора (вслед за Новгородской I об этом же сообщили Новгородская IV и псковские летописи).⁷ Сходно с новгородскими летописями сообщает об Исидоре и основанная в значительной части на новгородском материале Летопись Авраамки. Об Ионе здесь впервые упоминается под 6967 (1459) г. в связи с тем, что к нему ездил на поставление новгородский владыка.⁸

В Тверской летописи (Тверском сборнике, сохранившемся в западнорусских рукописях XVII в.), как и в новгородских и псковских, никаких известий об Ионе и о его поставлении на митрополию в 1448 г. нет — митрополит Иона упоминается лишь под 6966 (1458) и 6969 (1461) гг. в связи с поставлением им тверских епископов.⁹

Из числа немосковских летописных сводов (хотя и составленных на территории, находившейся под властью московского великого князя) следует упомянуть еще доходящий до 1472 г. северный (вероятнее всего, кирилло-белоозерский) свод, лежащий в основе Ермолинской летописи, Сокращенных сводов конца XV в. и отразившийся еще в нескольких летописях. Как и в Софийской I, здесь нет никаких упоминаний о претензиях Ионы на митрополичий престол после смерти Фотия, лишь под 6957 (1449) г. сообщается, что «Иона, владыка Рязаньский», был впервые поставлен на Москве «своими епископы». Ермолинская летопись, как и московские летописные своды, к которым мы еще обратимся, сообщает, кроме того, об участии (в 1446 г.) рязанского владыки Ионы в захвате Шемякой детей Василия II. Восходит ли это известие к общему с Сокращенными сводами источнику, мы не знаем, ибо известный нам текст Ермолинской летописи доходит до 6996 (1488) г. и содержит ряд более поздних дополнений к общему с этими сводами источнику. Поэтому мы не можем сказать, восходит ли к северному своду 1472 г. известие Ермолинской летописи под 6949 (1441) г. о том, что после возвращения Исидора «из Рима» «обличися его безумие от Авраамия, епископа Суздальскаго».

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 417, 419, 421—422; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 434, 436—437; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 40—46; М., 1955. Вып. 2. С. 43—47, 126—131, 133—135.

⁸ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 179—183, 198.

⁹ Там же. 1863. Т. 15. Стб. 496.

и от Василия дьяка, прозвищем Карла». ¹⁰ В Сокращенных сводах этих известий нет, и здесь лишь кратко сообщается под 6949 (1441) г., что «митрополит Исидор убежал с Москвы». ¹¹ Так же лаконичны аналогичные известия и в «Летописце русском», кратко отражающем известия того же северного свода, но в нем сохранилось зато известие о святительской деятельности Исидора до его поездки в Италию: «. . . в лето 6946 (1438) г. Сидор пошел к Риму на 8 сбор, похоронив княгиню Еупраксу». ¹²

Московское великокняжеское летописание получает прямое отражение в сводах начиная с 70-х гг. XV в.: наиболее ранним его отражением является, очевидно, великокняжеский свод 1472 г., дошедший до нас в составе Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей. Здесь впервые появляется московская версия известий о митрополите Исидоре. В 6945 (1437) г. Исидор «прииде изо Царяграда на Москву. . . и приат князь его честне», но тогда же он решил направиться «в Рим на осмой собор», и хотя князь просил его «остатися такового хождения», он «поиде к Риму». Под 6947 (1439)—6948 (1440) гг. рассказывается о неприятии и бегстве Исидора в значительной степени сходно с новгородскими и псковскими летописями. Но упоминание о пребывании Ионы в Царьграде появляется не среди известий, предшествующих 1448 г., а лишь в связи с поставлением Ионы на митрополичий престол в декабре 6957 (1448) г. Упоминание это звучит чрезвычайно странно. Сообщив об избрании Ионы «епископы Русскими» (среди которых не присутствовали новгородский и тверской владыки), летопись прибавляет: «А преже того, коли во Царьграде был о исправлении митрополии, и он от святейшего патрарха и от всего, еже о нем священного собора благоверного после Сидора на митрополию». Такая формула (с пропуском сказуемого) не порождена дефектом в каком-либо из списков Никаноровской или Вологодско-Пермской летописей, а присуща всем спискам обеих летописей. Лишь в Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи читается: «. . . от святейшего патрарха. . . послание Сидора на митрополию», но сказуемого нет и здесь (может быть, текст следует дополнить как «уведа послание Сидора. . .?»). ¹³ Когда же Иона мог быть «в Царьграде о исправлении митрополии»? Казалось бы, о таком важном и редком событии, как поездка претендента на митрополию в Царьград, следовало бы сообщить под соответствующей датой, но никакого известия о такой поездке (и о наречении Ионы на митрополию) до 6957 г. в этих летописях нет. Единственное упоминание об Ионе как претенденте на митрополию до 6957 г. анало-

¹⁰ Там же. 1910. Т. 23. С. 149—150, 152, 154.

¹¹ Там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 271—273, 346—347; Т. 37. Л., 1982. С. 87.

¹² Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 309—310; ср.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 152; 1910. Т. 20. С. 24. — Это известие, очевидно, восходит к независимому своду 80-х гг. XV в., использованному наряду с материалами XVI в. в своде 1518 г. — непосредственном источнике Софийской II и Львовской летописей. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 187.

¹³ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 192, 194, 208, 361; т. 27. С. 106—107, 115.

гично известию Софийской I летописи и имеет отнюдь не лестный для владыки характер. В 6954 (1446) г., сообщают Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи, Дмитрий Шемяка, решив захватить детей Темного, увезенных сторонниками ослепленного князя, «призва к себе епископа Рязанского Иону на Москву, и пришедшу ему, обеща ему митрополию» с тем, чтобы тот поехал «в свою епископию, в град Муром, дети великого князя на свой патрахель взял». Иона осуществил замысел Шемяки, обещав сторонникам Василия соблюсти безопасность детей великого князя. Дмитрий послал Ивана и Юрия с Ионой «ко отцу на Угличь в заточение», а затем повелел Ионе «итти к Москве и сести на дворе митрополиче».¹⁴

Московское летописание последующих лет в основном строится на рассказе великокняжеского свода 1472 г. Московский свод 1479 г. (и в первоначальном виде, и в редакции 90-х гг.) так же, как и Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи, повествует о пособничестве Ионы Шемяке в захвате детей Василия Темного в 1446 г. О поставлении Ионы митрополитом сообщается здесь также только под 1448 г., однако дефектная фраза свода 1472 г. имеет сказуемое и обретает смысл, более благоприятный для Ионы: «А преже того, коли в Цареграде был о исправлении митрополии, и он и от святейшего патриарха. . . благословен последи Сидора на митрополию». Значительному распространению подвергся и рассказ об Исидоре. Если в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях лишь кратко говорилось о поездке Исидора «в Рим» в 1437 г. и о его изгнании в 1439—1440 гг., то в своде 1479 г. появляется под 6954 (1437) г. обширная статья «О Сидоре митрополите, как прииде из Царяграда на Москву», восходящая к внелетописному «Слову на латыню». В состав этой статьи включены и послание Исидора «в Лятыскую и Литовскую и Немецкую землю» после его возвращения с Флорентийского собора, и грамота папы Евгения Василию II. Вставной характер всей этой статьи с несомненностью обнаруживается из того, что об изгнании Исидора в 1440 г. вопреки хронологии сообщается уже в статье 6945 (1437) г., хотя об этом вслед за сводом 1472 г. говорится также и под 6948 (1440—1441) г., из-за чего известие о возвращении Исидора дублируется.¹⁵

Из летописей XVI в. наиболее точно (с единственной поправкой) рассказ Московского свода воспроизвела Воскресенская летопись: основной рассказ об Исидоре и унии и послание Исидора здесь ахронистически помещены под 6945 (1437) г., известие о приезде Исидора на Русь и послание папы Василию — под 6948 (1440) г., а рассказ о бегстве Исидора — под 6949 (1441) г.¹⁶

Летописный свод 1518 г., отразившийся в Софийской II и Львов-

¹⁴ Там же. Т. 26. С. 203; т. 27. С. 111—112.

¹⁵ Там же. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 253—261, 266—267, 270. — Ср. рукопись ГПБ, Эрмит. собр., № 4186, л. 317—327, 335 об.—336 об., 340. См. также: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 368—370.

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 100—106, 108—109.

ской летописях, изменил предшествующий текст более кардинально. Рассказ об унии под 6946 (1438) г. включает здесь краткое известие о приезде Исидора на Русь и его отъезде в Рим, соединенное с обширной статьей «О осмом соборе», в состав которой введена отсутствующая в других летописях «запись» папы Евгения — решение о Флорентийской унии. Далее под тем же годом, после послания Исидора и послания папы Василию II, помещена грамота Василия II, адресованная «царю греческому», где говорится о том, что еще до поставления на митрополию «сего Исидора» (прежде, однако, в грамоте не упомянутого) «по преставлении. . . митрополита Фотей» князь «понутил» поехать в Константинополь «Иону, митрополита Рязаньскаго, мужа суща духовна», и своего посла «честнейшаго боярина князя Василия», но царь и патриарх «нашего. . . прошения не приняли» и назначили Исидора. Осудив «латынские обычаи», привезенные Исидором после собора, князь просит в этой грамоте разрешить «в нашей земли поставление митрополита». Во введении к этой грамоте говорится, что князь «нарядил» послом «Полукта Моря, иже был послом с Ионою в Царьграде». Далее помещено послание папы «Пиуса Римскаго» «королю Полскому Андрею» (Казимиру) с просьбой признать митрополитом «Сидорова ученика» Григория (с датой 6950 г., включенной внутрь годовой статьи 6946 г.). Под 6948 (1440) г. вновь сообщается о приезде и изгнании Исидора.¹⁷

В Никоновской летописи этих дополнительных материалов свода 1518 г. нет. Обработка материала Московского свода выразилась здесь в более последовательном распределении этого материала по годам: под 6945 (1437) г. помещено известие о приезде Исидора на Русь и отъезде в Рим, под 6946 (1438) г. — о его путешествии через Ливонию, под 6947 (1439) г. — о начале Флорентийского собора до приезда в Италию византийского императора, под 6948 (1440)—6949 (1441) гг. — основная часть всего пространного рассказа, включая послание Исидора и послание папы Василию II (посланий Василия II императору и послания папы Казимиру здесь нет), и под 6951 (1443) г. под заголовком «О Исидоре, како побежа с Москвы в Рим» — целый ряд антилатинских статей. Под 6957 г. (декабрь 1448 г.) известие Московского свода о предшествующей поездке Ионы в Царьград дополнено, в результате чего получился довольно невразумительный текст: «. . . как был Иона в Цариграде после Исидора и патриарх его благословил и грамоту ему дал».¹⁸

¹⁷ Там же. Т. 6. С. 151—169; т. 20. С. 241—242, 244—255. — В конце рассказа 6945 (1438 г.) Софийской II и Львовской летописей сохранилось известие, отсутствующее в остальных летописях: «Егда же прииде Сидоров ученик Григорей в митрополиты в Литовскую землю, Андрею же королеви Польскому с прошением посла к. . . Василию Васильевичю всея Руси, дабы к себе приял на русскую митрополию, зане бо Иона митрополит престарелся уже. Князю же великому слова королева не приемшу. . . а Иона же посла грамоту к своим епископом, дабы не принимали от него благословения. И отголе разделиси митрополна. . .». Возможно, что это уникальное известие восходит к источнику свода 1518 г. — своду 80-х гг. XV в. (см. выше, примеч. 12).

¹⁸ Там же. СПб., 1901. Т. 12. С. 23—81, 74.

Таким образом, и в летописях XVI в. нет какой-либо особой записи о поездке Ионы после смерти Фотия в Царьград: упоминание об этой поездке в своде 1518 г. дано не как погодная запись, а как пояснение к грамоте, помещенной под 6946 (1436) г., т. е. под явно не соответствующим ее содержанию годом (грамота, судя по ее тексту, должна была относиться к 1443 г., а поездка Ионы, согласно содержанию грамоты, должна была происходить «по преставлении... митрополита Фотия»).

Но если ранние летописи ничего не сообщают о каких-либо сношениях Ионы с Константинополем до декабря 6957 (1448) г., а более поздние говорят о них лишь задним числом, в рассказе о поставлении Ионы в 6957 г., то чем объясняется убежденность историков в том, что Иона был наречен на митрополию Фотием до его преставления в 1430 г., что Иона ездил в Константинополь в 30-х гг. и что перед поставлением Ионы Василий II писал об этом императору и патриарху?

Убеждение это основывалось на источниках, которые представлялись исследователям документальными.

Первый из них — уже известная нам грамота, помещенная в своде 1518 г. (в Софийской II и Львовской летописях), и почти идентичный с нею текст, сохранившийся в сборнике 90-х гг. XV в. известного кирилло-белозерского книгописца Ефросина (ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088).¹⁹ Версия, помещенная Ефросином, отличается от версии свода 1518 г. лишь тем, что послание обращено не к императору, а к «вселенскому патриарху» — «правителю душ православного христианства» и время от крещения Руси здесь определено не как «четыреста и пятьдесят и пять лет», как в Софийской II и Львовской летописях (где грамота, таким образом, датируется 988+455, т. е. 1443 г.), а как «четыреста и пятьдесят лет и три лета» (988+453 = 1441 г.). Текст этой грамоты в обеих версиях вызывает множество вопросов. Когда Иона ездил в Константинополь — «по преставлении» Фотия, т. е. сразу после 1430 г., или же в 1437 г., когда был назначен Исидор? Кому и когда была адресована грамота? Согласно тексту Ефросина, — патриарху в 1441 г., но патриархом тогда был Митрофан II, сторонник унии, и обращаться к нему с резким осуждением всякого соединения с «латинами» было бы очень странно. В своде 1518 г. грамота адресована царю, т. е. императору, и может быть датирована 1443 г., но императором в этом году был Иоанн VIII Палеолог, участник Флорентийского собора, подписавший унию, и обращаться к нему было также неуместно. О том, что грамота Василия II может рассматриваться в лучшем случае как неосуществленный проект, свидетельствует и свод 1518 г., где после грамоты и довольно фантастического упоминания о том, что «царь отъиде в Рим на царство и ста в латыньскую веру», сообщается, что великий князь «посла послос възвратити воспятъ». Не разъясняет историю сношений с Кон-

¹⁹ РИБ. СПб., 1880. Т. 6, ч. 1. № 62 (стб. 525—536); ПСРЛ. Т. 6. С. 162—167; т. 20. С. 251—254.

стантинополем и текст (предваряющий в своде 1518 г. грамоту Василия II) о том, что великий князь (очевидно, в 1443 г.) «нарядив... послом Полуекта Моря, иже был послом с Ионою в Цареграде», как и сама грамота, в которой упоминается, что после смерти Фотия великий князь «понудил» (или «понуждал») ехать в Византию Иону и «честнейшего боярина нашего Василия». Значит ли это, что Полуект Море должен был ехать в Царьград уже вторично? Полуект Море, судя по родословцам, реальное лицо — четвертый сын боярина Василия Глебовича Сорокоумова, но никаких упоминаний о нем, кроме приведенного известия свода 1518 г., не сохранилось. С. Б. Веселовский, доверявший известию Софийской II летописи, отождествлял Полиевкта Море с упомянутым там же «честнейшим боярином Василием», именую его «Полевкт (Василий) Море», но указывал, что Полуект (Полиевкт) Море не мог иметь боярского чина, ибо такого чина не было у его старших братьев.²⁰ Нет, по-видимому, никаких сведений и о том, чтобы кроме христианского имени Полиевкта то же лицо носило еще и второе христианское имя — Василий; Василием звался его отец. А. Циглер, считавший грамоту 1441—1443 гг. «подделкой, восходящей к 60-м годам XV в.», отметил также, что в этой грамоте император (Иоанн VIII) и патриарх, якобы отказавшие приезжавшему в Константинополь Ионе в поставлении, упоминаются без имен и в третьем лице, между тем по смыслу здесь следовало бы употребить второе лицо или сказать (о патриархе): «твой предшественник». Кроме того, он обратил внимание на явную связь между этой грамотой и более поздними памятниками: «Словом на латыню» 1461 г. и грамотами против киевского митрополита Григория, посылавшимися в Литву с конца 50-х гг. Циглер указал еще, что во второй грамоте Василия в Константинополь, написанной после поставления Ионы (и также не вызывавшей сомнений у исследователей), ни словом не упоминается грамота 1441—1443 гг.²¹

Вторая грамота Василия II в Константинополь, адресованная императору и также сохранившаяся в двух версиях, сообщает об избрании Ионы на митрополию как об уже совершившемся факте и, следовательно, должна была быть написана между 1448 (когда Иона был поставлен) и 1453 (когда пал Константинополь) гг. Однако сохранилась она только в двух формулярных сборниках митрополичьих грамот начала XVI в. (ГИМ, Синод., № 562 и Увар., № 512),²² и лишь в последнем из них имеется датирующее указание, что со времени смерти Фотия протекло «двадцать первое лето» (1430 + 21 = 1451); в первой версии грамоты это указание отсутствует. Еще более важно другое расхождение между двумя версиями: в одной из них (Синод. 565) невозможность своевременно сообщить в Констан-

²⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 325, 327—328.

²¹ Ziegler A. Die Union des Konzils von Florenz... S. 102—107.

²² РИБ. Т. 6, ч. 1. № 71. Стб. 575—586; Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. М., 1986—1988. Вып. 1—4. № 13. С. 88—91. — Далее РФА.

тинополь об избрании Ионы туманно объясняется «разгласием» «в ваших благочестивых державах в церкви божией» и «неудобно-проходимым шествием» в Константинополь; в другой (Увар. № 512) — действиями Исидора и «оного латыньского еже во Флоренции неосвященного собора». Но как раз эта версия содержит указание, что она «к царьградскому царю Костянтину. . . не пошла». В обеих версиях второй грамоты в отличие от первой сделана попытка объяснить, почему Иона, чья поездка в Константинополь якобы была решена сразу после смерти Фотия, приехал туда лишь семь лет спустя — в 1437 г.: «. . . не вемы, како по божиим неизреченным судьбам, ему ли самому на дорозе помедливши, богу ли так изволивши, оному ко Царюграду достигнути не поспешю. . .». Еще более важно другое расхождение с первой грамотой — во второй грамоте утверждается, что «царь и патриарх» уже при назначении Исидора объявили Иону его преемником: «А что божия воля о Сидоре произмыслит, или смертию скончается, или иначе о нем что ся състанет, и ты, Иона, епископ рязанский, готов благословен на той великий престол Киевский [и] всея Руси». Такое предварительное назначение преемника еще живому и здоровому митрополиту представляется весьма странным.

Е. Е. Голубинский считал, что утверждение, будто патриарх и император благословили Иону быть преемником Исидора, «очень сомнительно». А. В. Карташев, также признававший аутентичность приведенных грамот, отмечал, что содержащееся в них утверждение, будто патриарх уже в 1436 г. назначил Иону преемником Исидора, было либо «прямой фальшью», либо «неизбежной дипломатией», долженствовавшей служить «аргументом в пользу домашнего поставления Ионы». А. Циглер отмечал, что грамота 1451 г. содержит «много подозрительных пассажей», но не считал ее в отличие от грамоты 1441—1443 гг. прямой подделкой.²³

Противоречивость и сугубая сомнительность этих грамот в Константинополь делает особенно интересным памятник, лишь недавно введенный в научный оборот. Это духовная грамота (завещание) Ионы, не включенная в митрополичьи формулярники, но обнаруженная в составе сборника XVI в. (по-видимому, конволюта)²⁴ ГПБ, Q.1. 1468 (л. 149—154 об.). Духовная грамота Ионы, написанная по установившемуся с 1406 г. образцу духовной Киприана, помечена, как и следует, датой его смерти — «месяца марта в 31 день. . . в лето 6969 (1461 г.)», однако составлена она ранее — в начале 50-х гг. XV в., после ухода с престола византийского патриарха-униата Григория Маммы в 1450 г. и рождения у Василия II сына

²³ Голубинский Е. История русской церкви. Т. 2. С. 483, примеч. 1; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. С. 358—361; Ziegler A. Die Union des Konzils von Florenz. . . S. 107.

²⁴ Завещание Ионы содержится в шестистрочной тетради (л. 149—154 об.), вpletенной, очевидно, в сборник Q.1. 1468; водяной знак — очень плохо различимая сфера типа: Лихачев, № 1910, 1911=1567 г. (ср. Briquet, № 14008=1559 г., № 14013=1570 г.). За помощь в установлении палеографических особенностей рукописи сердечно благодарю В. М. Загребина.

Андрея Меньшого в 1452 г. и до падения Константинополя в 1453 г.²⁵ А. И. Пригузов и Г. В. Семенченко, опубликовавшие найденную автором этой статьи духовную Ионы в издании «Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в.», объяснили расхождение между временем составления и окончательного оформления духовной тем, что «либо сам Иона дополнял исходный вид духовной, либо это делал кто-то другой уже после смерти митрополита», и склонились «ко второй гипотезе». Мы считаем возможным, что завещание Ионы оформляли после его смерти, но не видим в этом расхождении чего-либо экстраординарного: духовная, естественно, составлялась завещателем заранее, но вступала в силу лишь после его смерти. Дает ли расхождение между датой составления завещания Ионы и датой его смерти основание для того, чтобы подозревать, как это склонны были составители «Русского феодального архива», в дошедшем до нас тексте духовной Ионы «продукцию позднейших компиляторов»?²⁶ Едва ли это правильно. Вряд ли после кончины митрополита возникла необходимость срочно переделывать духовную, составленную покойным владыкой.

А между тем текст духовной Ионы оказывается в разительном противоречии с текстом приведенных грамот, якобы направленных императору и патриарху. Ни одного слова о «наречении» Ионы Фотием на митрополию (Фотий упоминается лишь в связи с поставлением на рязанскую епископию), о его поездке в Константинополь и о полученном там от императора и патриарха обещании передать ему «великий престол Киевский и всея Руси», если с Исидором «что ся състанет», здесь нет. Иона ссылается лишь на «нужу бывшего ради церковного мятежа в Цариграде в царех и патриаршестве и за съединение их еже с латиною о вере», на «мятежи земьские» и на «долготу пути» для сношений с Царьградом; свое право на митрополичий престол он обосновывает «изволением» великого князя и избранием епископами в соответствии с правилами «святых апостол и богоносных отець»; он надеется, что восстановившееся «в Цариграде» (в 1450—1453 гг.) «древнее благочестие» позволит ему достигнуть «благословения от святей наших зборных апостольских церкве Святыа София и святаго православнаго патриарха. . .».²⁷

²⁵ РФА. Вып. 3. № 29. С. 649—654; ср. С. 644—645. — А. И. Пригузов и Г. В. Семенченко уточнили предложенную нами датировку, указав, что в духовной упоминается сын Василия II Андрей Меньшой, родившийся 8 августа 1452 г. (там же. С. 646).

²⁶ Там же. С. 647—648. — Авторы, как и прежние исследователи, считают, что Иона в 1438 г. был избран на русскую митрополию, в 1434—1436 гг. ездил в Константинополь и что в 1441 г. Василий II сносился по этому поводу с Константинополем, хотя признают, что утверждение в грамотах 40-х гг., будто Иона не был поставлен митрополитом в 1436 г. «по причине невинного опоздания. . . более напоминает хорошую мину при плохой игре».

²⁷ Там же. С. 649—650. — В словарной статье об Ионе автор настоящей статьи высказывал мнение, что Иона действительно претендовал на то, что он стал единственным законным митрополитом после смерти Фотия (1430 г.), ибо утверждал в конце жизни, что пробыл на престоле 30 лет (Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 422—423). Но это недоразумение. В духовной сказано, что со времени постав-

Все это явно противоречит тексту грамот, читающихся в формулярниках и рукописной традиции конца XV—начала XVI в. Если бы Иона в 1434—1437 гг. ездил в Царьград и получил там условное «наречение» на митрополию после Исидора и если бы в 1441—1443 и 1448—1453 гг. великий князь писал об этом в Константинополь, то почему же о своих поездках туда умолчал Иона в завещании, написанном как раз в 1450—1453 гг.? Даже если бы дошедший до нас текст духовной был составлен неизвестным компилятором XVI в. из двух вариантов завещания (1452—1453 и 1461 гг.), то зачем было бы этому компилятору, работавшему тогда, когда автокефалия Ионы и его преемников давно стала совершившимся фактом и какие-то сношения с патриархом в Стамбуле уже наладились, умалчивать о сношениях с патриархом и «наречении» Ионы еще в 30—40-х гг.? Такое умолчание в духовной митрополита при любой ее датировке совершенно непонятно — если, конечно, факты, упомянутые в грамотах, традиционно датируемых 1441—1443 и 1448—1453 гг., действительно имели место.

Однако мы уже видели, что ранняя летописная традиция ничего не знает о «наречении» Ионы между 1430 и 1448 гг. и о его поездках и сношениях с Константинополем до этого года. История установления автокефалии русской церкви, восходящая к рассмотренным грамотам и к явно непоследовательному рассказу летописания конца XV и XVI в., находится в противоречии и с рядом ранних источников. Нет никаких оснований сомневаться в том, что смоленский епископ Герасим был поставлен патриархом в 1433—1434 гг. на митрополию «всех Руси», а не только Литвы: к нему в 1434 г. ездил ставиться на архиепископство один из виднейших иерархов русской церкви — владыка новгородский Евфимий.²⁸ Выполнял свои святительские обязанности в Москве, Новгороде и Пскове в 1437 г. и митрополит Исидор. И даже после Флорентийской унии Исидор вовсе не сразу был отвергнут русскими князьями. Об этом свидетельствует не вызывающий никаких сомнений документальный источник — договор Василия II с тверским великим князем Борисом, составленный после войны с «царем» Улу-Мухаммедом в 6946 (1438)—6947 (1439) гг., следовательно, уже после поездки Исидора на Флорентийский собор. Договор этот был составлен «по благословию Исидора, митрополита киевского и всеа Руси».²⁹ Если обстоятельства отъезда Исидора не имели характера бегства, то весьма вероятным становится предположение, что греческие рукописи, вывезенные им из Москвы и находящиеся ныне в Ватикане, были взяты с собой мит-

ления Ионы в митрополиты до дня составления завещания «третье на десять лето течет» (с. 653). Это означает, что к марту 6969 (1461) г. прошло 13 лет от поставления его в митрополиты; следовательно, отсчет шел именно от декабря 6957 (1448) г., когда Иона был официально избран митрополитом (1448+13=1461).

²⁸ Новгородская первая летопись. . . С. 417, 419; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 434—436. — Ср. выше, примеч. 12.

²⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 105—107. № 37; ср.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 124—125.

рополитом не в 1437 г., когда он направлялся в Италию лишь временно и должен был вернуться, а в 1441 г.³⁰ Нет какого-либо осуждения Исидора и унии в тверском памятнике, составленном не ранее 1453 г., — «Слове похвальном» великому князю Борису Александровичу инока Фомы, хотя в этом «Слове» описывается Флорентийский собор и поездка туда тверского посла, сопровождавшего Исидора.³¹

Что касается Ионы, то бесспорным является лишь появление его на митрополичьем дворе в 1446 г. по повелению занимавшего в это время великокняжеский престол Дмитрия Шемяки (с которым Иона был несомненно связан, ибо происходил из Галича, вотчины Дмитрия, и там постригся в монахи). Летом 1447 г., после того как Москва была вновь занята Василием II, бежавшие из нее Дмитрий Шемяка и Иван Можайский заявили, что Василий II не может их требовать к себе до тех пор, «здоколе будет у нас в земле отец наш митрополит». К осени 1447 г. Иона уже изменил Шемяке и перешел на сторону Василия Темного, однако и после этого он не стал в глазах своих собратьев-иерархов законным митрополитом. В обличительной грамоте русского духовенства против Шемяки, отправленной в декабре 6956 (1447) г., Иона по-прежнему именуется «владыкой рязанским» и назван на третьем месте — после Ефрема Ростовского и Авраамия Суздальского.³² Только в следующем 1448 г. Иона был наконец возведен своими братьями-епископами на митрополичий престол.

Предпринимались ли между отъездом Исидора в 1442 г. и падением Константинополя в 1453 г. попытки каких-либо сношений русской митрополии с императором и патриархом? Как мы уже отмечали, грамоты, сохранившиеся в митрополичьих формуляриках, которые могут быть датированы 1448—1451 гг., вызывают сомнения. Сохранилось еще два свидетельства о сношениях Василия с Константинополем после 1442 г. Первое из них — ответ Василия на обращение монахов одного из афонских монастырей, известивших его о принятии унии «царем» (Иоанном VIII) и патриархом (Григорием Маммой), которое, очевидно, было написано до смерти Иоанна VIII в 1448 г. В ответной грамоте Василий II заявил о непризнании унии и изгнании Исидора, но никак не упоминал об Ионе. Другой памятник, созданный значительно позже описываемых в нем событий, — «Сказание известно о Каменном монастыре. . . старца Паисия святого Ярославова», собранное «от многих от старых книг». Здесь упоминается игумен Кирилло-Белозерского монастыря (в 1448—1465 и 1466—1470 гг.) Кассиан, которого «за некую же потребу князь великий Василий Васильевич и митрополит Иона посылали. . . в Царьград двюю о церковном исправлении к патриарху. И прииде из Царьграда на

³⁰ Фомкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 12—15, 23. — Предположение о том, что находящиеся ныне в Ватикане рукописи были вывезены Исидором не при поездке во Флоренцию, а при его окончательном отъезде из России, было высказано мне в письме доктором Ф. Поляковым.

³¹ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 270—278, 607—617.

³² РФА. Вып. 1. № 19

Москву, и князь великий Василий Васильевич почтил его и. . . отпустил его».³³ Любопытно, что здесь ничего не сообщается о поездке самого Ионы и о сущности и результатах этой миссии.

Необходимо отметить, что после избрания Ионы митрополитом позиция новгородского и тверского епископов по отношению к нему оставалась сомнительной (мы еще обратимся к этому вопросу); даже такой видный церковный деятель Московской земли, как игумен Пафнутий Боровский, «не велел звать архиепископа Иону митрополитом».³⁴

Все эти обстоятельства ставят под сомнение достоверность и даже аутентичность грамот, традиционно датируемых 1441—1443 и 1448—1453 гг. Есть основания усомниться и в правильности передачи первоначального текста еще в одном памятнике, также сохранившемся в митрополичьем формулярнике XVI в., — в грамоте епископа Ионы (без указания епископии) в Нижегородский Печерский монастырь 6941 (1433) г. В этом документе Иона за 15 лет до своего вступления на митрополичий престол упоминается в качестве «епископа, нареченного в святейшую митрополию русскую» (между тем даже в грамотах, датируемых 1441—1443 и 1448—1451 гг., упоминаний об этом «наречении» нет). Грамота в Печерский монастырь помещена в митрополичьем формулярнике не среди близких ей по времени документов, а в дополнительной части, после ряда посланий конца XV в., и в словах «нареченного в святейшую митрополию русскую» мы с основанием можем усматривать позднейшую интерполяцию.³⁵

Конечно, недостоверность разбираемых памятников, их сомнительность как подлинных источников того времени, к которому они отнесены в сборниках, еще не означают, что они не представляют никакого интереса для историка. Даже недостоверный, ложно датированный или интерполированный памятник — источник, свидетельствующий о том времени, к которому он действительно относится. Но о каком именно времени может идти речь? Когда определилась официальная политика Василия II и Ивана III по вопросу об отношениях между московской митрополией и константинопольской патриархией?

Наиболее ранними памятниками, отражающими ту версию взаимоотношений Ионы с константинопольской патриархией, которая появилась в московском великокняжеском летописании значительно позже, можно было бы считать два послания митрополита Ионы в Западную (Литовскую) Русь. Оба они, как и известные уже нам грамоты, сохранились в составе тех же митрополичьих формуляр-

³³ ЛЗАК за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. Приложения. С. 28—36; Православный собеседник. 1861. Январь. С. 210.

³⁴ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 191.

³⁵ РИБ. Т. 6, ч. 1. № 61. Стб. 521; РФА. Вып. 2. № 90. С. 282; ср.: Словарь книжников. . . Вып. 2, ч. 1. С. 422. — А. И. Плигузов и Г. П. Семенченко в подтверждение избрания Ионы в митрополиты в 1432 г. ссылаются еще на духовную князя Василия Васильевича Галицкого 1433 г., явленную «владыце Ионе» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М.; Л., 1952. Т. 1. № 108. С. 87; ср.: РФА. Вып. 3. С. 647). Но «владыкой» можно было именовать Иону и как рязанского епископа.

ников (Синод. № 562 и Увар. № 512), и оба не содержат никаких дат в тексте.

Первое из них дошло только в составе сборника Синод. № 562 в виде какого-то странного сочетания обращения митрополита Ионы «князем, и паном, и бояром, и наместником о поставлении митрополитиче» и следующего за ним обличения Дмитрия Шемяки за «запустение» земли и пролитие «крови христианьской» с просьбой к «православным христианам» бить челом Василию II. По мнению исследователей, текст этот представляет собой соединение («слитие») двух разных грамот — одной, адресованной в Литву, и другой, обращенной к сторонникам Дмитрия. Но даже если это так, то датировка первой части памятника оказывается довольно неопределенной — ясно только, что он относится ко времени пребывания Ионы на митрополичьем престоле, т. е. к 1448—1461 гг., и, возможно, ко времени до падения Константинополя в 1453 г. (о котором нет упоминаний). Но именно в этом загадочном фрагменте содержится указание, тоже довольно неопределенное, на «прежнее на нас повеление святого царя и благословение святого и вселенского патриарха. . . коли было в Цариграде православие и оттуды принимали благословение и митрополита», без упоминания, что Иона в Константинополе был.³⁶

Второе послание Ионы в Западную Русь, адресованное киевскому князю Александру (Олельку) Владимировичу, содержит уже знакомую нам версию о «шестви» Ионы «в Цариград», его опоздания и поставлении Исидора и обещания патриарха, «аще когда Исидор или волею божиею умрет или каково инаково о нам что ся станет», то Иона станет митрополитом. Но когда написано это послание? Даты на нем нет (и в формулярнике Синод. № 562, и в формулярнике Увар. № 512 текст обрывается: «А писана на Москве, месяца. . .»), и А. С. Павлов датировал его 1451 г. на основании еще одного памятника из тех же формулярников — грамоты Казимира 1451 г., в которой он выражал согласие на получение киевской митрополии Ионой. А. С. Павлов полагал, что грамота Казимира была ответом на послание Александру Владимировичу.³⁷ А. И. Плигузов и Г. П. Семенченко датируют эту грамоту декабрем 1448 г. (дата поставления Ионы) — ноябрем 1450 г., исходя из того, что в грамоте Александру Владимировичу упоминается, что Казимир обещал дать «ответствие» Ионе, находясь в «Лятцких державах», т. е. в Польше, где он, согласно известию Длугоша, был в декабре 1449 г. и осенью 1450 г.³⁸ Нам датировка послания Александру Владимировичу пока представляется неясной, ибо ни из чего не видно, что пожалование, данное Казимиром в 1451 г., было ответом на послание Ионы Александру Владимировичу. Вероятнее предположить, что послание Александру Владимировичу непосредственно не связано с грамотой Казимира, а написано позже, когда появилась реальная опасность того, что в Западной Руси будет

³⁶ РИБ. Т. 6, ч. 1. № 64. Стб. 539—542; РФА. Вып. 1. № 7-I и 7-II. С. 75—77.

³⁷ РИБ. Т. 6, ч. 1. № 61. Стб. 555—556; ср. № 67.

³⁸ РФА. Вып. 1. № 65. С. 215—219; вып. 3. С. 647. — Данные для уточнения датировки № 65 (которые будут даны в вып. 5-м РФА) любезно сообщены нам А. И. Плигузовым.

признан законным киевским митрополитом сподвижник Исидора Григорий. Не помогают датировать это послание и те скудные сведения о правлении Александра (Олелько) Владимировича в Киеве, которыми мы располагаем, — по известию поздней (XVI в.) Хроники Быховца он правил до 1454 г.³⁹

Вопрос о законности поставления Ионы на митрополичий престол приобрел подлинную остроту во второй половине 50-х гг. и особенно в 1459—1460 гг., когда был составлен целый ряд грамот Ионы и русских епископов о его признании митрополитом и непризнании «киевским митрополитом и всея Руси» соперника Ионы Григория, который объявлялся в этих грамотах «Исидоровым учеником» и ставленником патриарха-униата, пребывающего в Риме. Летописи не дают ясного указания на то, когда именно Григорий предъявил притязания на русскую митрополию. В Московском своде 1479 г. о Григории повествуется сперва в рассказе 6946 (1438) г. об Исидоре и унии, а затем в рассказе о походе на Новгород 6979 (1471) г., где новгородцы обвиняются в стремлении признать Григория законным митрополитом. В своде 1518 г. (Софийской II и Львовской летописях) в рассказе об Исидоре упоминается о том, что вопрос о признании Григория митрополитом всея Руси был поставлен польским королем Андреем (Казимиром) в конце правления Ионы, когда митрополит «престарелся уже», т. е. в конце 50-х—начале 60-х гг.⁴⁰ Грамоты, связанные с соперничеством Ионы и Григория, относятся именно к последним годам правления Ионы. Это присяжная грамота русских архиепископов о верности Ионе и их призыв к литовским иерархам не признавать Григория, послание Ионы литовским князьям и панам против Григория и аналогичные послания его литовским епископам (всем вместе и некоторым по отдельности).⁴¹ Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что среди русских владык, присягнувших на верность митрополиту Ионе, не было двух особенно влиятельных — новгородского и тверского; не было их и в числе епископов, призвавших к такой верности и своих западнорусских (литовских) собратьев. Не случайно поэтому, что в те же годы Иона обратился к тверскому епископу Моисею, укоряя его за то, что тот уже дважды отказывался приехать в Москву «церковных ради великих дел», и настаивая на том, чтобы он наконец срочно выполнил это требование.⁴² До последних дней своего пребывания на престоле Иона не мог рассчитывать на признание со стороны новгородской епархии, во главе которой стоял весьма независимый Евфимий II, поставленный еще в 30-х гг. Герасимом, но в 6967 (1459) г. Евфимий умер, и сменивший его епископ Иона проявлял больше склонности признать московского митрополита. В грамоте, адресованной в Новго-

³⁹ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. С. 549; ср.: *Грушевський М. С. Історія України—Руси*. Львів; Київ, 1898—1936. Т. IV, 2-я пол. С. 210. — См. также генеалогическую таблицу.

⁴⁰ См. выше, примеч. 17.

⁴¹ РИБ. Т. 6, ч. 1. № 80, 81, 83—85, 87—89; РФА. Вып. 1. № 5, 14, 24, 34, 51, 52.

⁴² РИБ. Т. 6, ч. 1. № 82.

род в том же году, митрополит Иона призывал своего новгородского тезку стоять крепко против Григория.⁴³ В Твери смена непокорного владыки носила более острый характер. В 6969 (1461) г. умер тверской великий князь Борис Александрович и на престол вступил его малолетний сын Михаил; тогда же, по известию Тверской летописи, «Моисея владыку свели с владычества в Отрочь монастырь, а поставили Генадья Кожу на владычество; а ставили его на Москве. . . а ставил его митрополит Иона месяца марта 22» (т. е. за несколько дней до собственной кончины). Новый тверской владыка сразу же дал «повольную грамоту» с обязательством «не отступати» от Ионы и его преемников и не иметь «ни приобщения, ни соединения» с Григорием.⁴⁴

Вопрос о законности избрания Ионы не утратил своей остроты и после смерти Ионы. В конце 60-х гг. киевского митрополита Григория признал законным главой русской церкви не только униатский патриарх, пребывавший в Риме, но и враждебный унии патриарх Дионисий, оставшийся в завоеванном турками Константинополе. Дионисий объявил, что «великая зборная наша церковь не имае, а ни держит, а не именуе за митрополитов» Иону и его преемников.⁴⁵ В ответ на это Иван III заявил о том, что греческое «православие изрушило» и что он считает и самого патриарха «чюжа и отречена».⁴⁶

Но речь шла, естественно, о греческой церкви после 1453 г. Авторитет греков до унии и падения Константинополя не ставился под сомнение, и в связи с этим версия о сношениях Ионы с Константинополем и о «наречении» его на митрополию патриархом и императором оставалась актуальной. Вопрос о том, в какое именно время после 1448 г. легенда об этом «наречении» возникла и была разработана, требует еще уточнения.

Во всяком случае полное отсутствие в ранних и независимых от Москвы летописях известий о переговорах с патриархом о поставлении Ионы (как и помещение таких известий в более поздних летописях только под 1448 г., а не под предшествующими годами) делает версию о его поездке в Константинополь и прямых сношениях с патриархией сугубо сомнительной. Поездка русского ставленника на митрополию в Константинополь — событие настолько необычное и важное, что странно было бы, если бы оно не отразилось в современных источниках. Конечно, 1431—1448 гг. — смутное время для Московской Руси, но поездки русских послов на Флорентийский собор, происходившие в те же годы, породили целый ряд литературных памятников. Иначе обстоит дело с поездкой Ионы. О ней мы узнаем только из противоречащих друг другу показаний источников конца XV и XVI в.

⁴³ Там же. № 86.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496; ср.: РИБ. Т. 6, ч. 1. № 91 и 92.

⁴⁵ Шапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 2. Приложение № 52. С. 145—147.

⁴⁶ РИБ. Т. 6, ч. 1. № 100. Стб. 711.

Основанная на таких источниках традиционная история установления автокефалии русской церкви вызывает сомнения. Можно думать, что автокефалия не была подготовлена какими-либо переговорами, а установилась как следствие реальных событий после 1448 г.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

**ОТРЫВОК ИЗ «ХРИСТИАНСКОЙ ТОПОГРАФИИ»
КОЗЬМЫ ИНДИКОПЛОВА
В СОБРАНИИ АРХИВА ЛОИИ СССР АН СССР**

В обширной рукописной традиции сохранившихся древнерусских списков и отрывков «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова — византийского автора VI в.¹ — текст из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР занимает особое место. Как нам кажется, он может сыграть основополагающую роль в изучении древнерусской традиции сочинения Козьмы Индикоплова, а также времени перевода памятника. Как стало известно, текст отрывка находится в сборнике коллекции Археографической комиссии (11) под № 245. Однако ранее он входил в состав Софийского собрания и имел № 475. Этот вопрос был нами более подробно освещен в связи с изучением сочинения Кирика Новгородца, когда мы занимались его текстом «Учение о числах имъ же въдати числа всѣх лѣтъ», вошедшего в состав этой рукописи.²

Первые сведения о древнерусской версии «Христианской Топографии» в отечественной науке были опубликованы И. И. Срезневским.³ В своем исследовании он пишет о «бывшем Софийском сборнике XIV—XV века», не указывая, правда, шифра собрания. При этом он выделяет статью «О исходѣ владыки Христа словесы и дѣлесы проповѣдания», отмечая, что это отрывок из сочинения Козьмы.⁴

¹ О Козьме, его взглядах и сочинении см.: *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951. С. 129—156. — Последнее исследование в отечественной исторической науке — раздел, написанный З. В. Удальцовой, «Козьма Индикоплов и его „Христианская Топография“», в кн.: *Культура Византии: IV—первая половина VII в. М., 1984. С. 467—477.* — Здесь же приведена обширная библиография по специальным проблемам. Новейшее фундаментальное исследование см.: *Wolska W.* La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès: Théologie et science en VI siècle. Paris, 1962. — Современное критическое издание см.: *Wolska-Conus W.* Cosmas Indicopleustès: Topographie chrétienne: Introduction, texte critique, illustrations et notes // Sources chrétiennes. Paris, 1968—1973. Т. I—III. № 141, 159, 197.

² См.: *Пиотровская Е. К.* Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1985. Т. XL. С. 379—384.

³ *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // СОРЯС. СПб., 1867. Вып. II. С. 1—19.

⁴ *Срезневский И. И.* Сведения... С. 3.